

УДК 32:2

Политика, право, религия и Московский университет

В. И. Шамшурин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Рассматривается классическая традиция историософии в русской политической теории, которая оценивается как богословие права или богословие закона. Автор также изучает вклад представителей Московского университета в эту традицию.

Ключевые слова: историософия, политическая теория, богословие права, богословие закона, богословие, Московский государственный университет.

Противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применяясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели.

М. В. Ломоносов [16, с. 26]

Созданный по инициативе М. В. Ломоносова и организованный графом И. И. Шуваловым Московский императорский (ныне – государственный) университет в свой состав включал следующие факультеты: философский, юридический и медицинский. По слову А. С. Пушкина, «Шувалов организовал университет по предназначению Ломоносова» [23, с. 102]. Если говорить о людях, стоявших у истоков Московского университета, об учениках и последователях Михаила Васильевича Ломоносова, много сделавших для университета, то это: Николай Николаевич Поповский – философ и поэт, Дмитрий Сергеевич Аничков – тоже философ, написавший диссертацию «Философические рассуждения о начале и происшествии богопочитания у разных, а, особливо, у невежественных народов».

Д. С. Аничков, будучи деистом, объяснял религию с точки зрения страха и «удивления» перед подвигами героев, что не находило, мягко говоря, поддержки в Святейшем Синоде. Семен Ефимович Десницкий – правовед, преподавал русское и римское право. Он же – экономист, последователь А. Смита. Иван Андреевич Третьяков – правовед, специалист по римскому праву, экономист, социолог [подробнее см.: 11]. Обратим внимание и на то, что первая изданная в России философская книга с точки зрения дисциплинарной аутентичности и источниковедения была именно междисциплинар-

ной, на стыке философии, политики, этики и религии: «Ифика (Этика. – *В. И. Ш.*), иерополитика, или Философия нравоучительная преуподобления изъяснена к наставлению и пользе юным» Афанасия Миславского, архимандрита Печерского (Киев, 1712). Отметим, что особый интерес именно к сочетанию философии, религии, политики, права, нравственности в контексте художественно-поэтических начал словесности – это то общее и существенное начало-своеобразие, которое укоренено и в культуре России вообще, и в истории Московского университета, в частности. Особое внимание к соотношению права и философии в Московском университете отмечено А. Т. Павловым: «На юридическом факультете при изучении права тоже давалось философское обоснование юридических наук. В XVIII и XIX вв. в юриспруденции была весьма влиятельная точка зрения на философию как на общую базу юридических норм, которые как частности вытекают из общеправовой основы. Поэтому философия права преподавалась как обязательная составная часть юридического образования. Первыми [были] Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков, которые были посланы на учебу в Глазго, где слушали лекции Адама Смита и получили степени доктора права и вернувшись в Москву в 1767 г., стали преподавать в университете» [19, с. 35].

Еще одним интересным фактом является то, что до открытия Московского университета в грамоте, данной в 1682 г. царем Федором Греко-славянской академии, устанавливалась обязанность преподавать «ученье правосудия духовного и мирского». И хотя в действительности этого не было, но идея родства философии, богословия, права и политики (и концептуального, и институционального) постоянно пронизывала русскую культуру с самых ранних истоков ее становления.

Русская культура, в том числе и философская, дошла до нас в рамках истории права. Точнее – философии и историософии права. Еще точнее – богословия права. Ярчайшее тому свидетельство – ранний памятник отечественной письменности Нестора-летописца. По справедливому замечанию В. И. Коваленко, «хотя Россия располагала вполне самобытной традицией политической мысли, восходящей еще к XI в. (“Слово о законе и благодати” митрополита Иллариона), и вопросы ее судеб, места в истории, характера власти, отношений с Западом и Востоком напряженно переживались русскими мыслителями, эти проблемы вплетались в их более общие религиозные, историософские представления. Позже стало возможным говорить о развитии политической философии в стране» [14, с. 4]. (Об особенностях политического дискурса в России см. также [20]). И Московский университет воспримет, воспроизведет эту традицию полно и равносущно отечественной культуре. Если говорить об историософии, рассматривающей конечную сущность истории как смысловое целеполагание во всем, что касается человека, природы его обитания и Бога, то историософия России, явленная, прежде всего, в одном из самых ранних памятников русской культуры – Лаврентьевской летописи Нестора-летописца, ставится во главу угла национального жизнеустройства уже в самом названии этого произведения. Речь идет о «временных», т. е. переходящих «летах» (которые уже в античности назывались «хронос») перед

конечным Судом Вечности («кайрос»). Эта идея кротости и смирения кажимого, преходящего перед вечным и постоянным будет неизменно воспроизводиться в русской культуре. Примеров – огромное количество; укажем лишь на некоторые. Вот М. В. Ломоносов: «Творец! Покрытому мне тьмою // Простри премудрости лучи, // И, что угодно пред тобою // Всегда творити научи» [17, с. 21]; «Хоть острым взором нас природа одарила, // Но близок оног конец имеет сила» [16, с. 26]. Или Е. А. Баратынский: «Увы! Народ добросердечный // Равно туда или сюда // Несет надежду жизни вечной // И трепет Страшного суда» [1, с. 64]; «Смотрите, как века, незримо пролетая, // Твердыни древние и горы подавляя, // Бросая гроб на гроб, свергая храм на храм // Остатки гордые являют Рима нам» [1, с. 314, 318]; «Дана на время юность нам; // До рокового новоселья» [1, с. 314, 318]. Или К. П. Победоносцев: «Не так ли в мире суждено, // По воле тайной Провиденья, // Чтоб слова Божия зерно // Было на дне схоронено // Соблазнов, лжи и заблужденья?» [21, с. 385]. Или Д. Бедный (Придворов Ефим Алексеевич): «Средь суеты, средь пошлости вседневной // Я жду, когда, как приговор судьбы, // Как вешний гром, торжественный и гневный, // Над родиной истерзанной и бедной // Раскатится набата голос медный» [3, с. 480].

Соответственно, Россия – это некий проект, которому хотя и дан шанс, благоволение, но это проект, действующий самостоятельно; с ошибками, свершениями, успехами и неудачами, движущийся из преходящего в вечное. Проект Россия как страна, государство, нация начинается с Крещения, которое к тому же принимается народом добровольно: «Людьє с радостью идяху» [22, с. 53].

В русской историософии явлены определения философии и богословия, с одной стороны, и правоведения, с другой, в традиции Платона, Аристотеля, Цицерона, новоникейцев и Юстиниана как эквивалентные, т. е. ведающие знаниями о конечных божественных и человеческих сущностях. Правда, с уточнением по поводу права: «во всем, что касается справедливости». «Юрист» первоначально – это жрец, толкующий таинственные пророчества предсказателей-пророков. А подчас и сам наделенный профетическими способностями. Из этих категорий и выйдут философы – элейцы, милетцы, ионийцы, досократики и сократики. И «физики», и «психики» (чуть было не сказал – «лирики», – что очень приложимо к России). Толкующие по внешним знакам природы на потребу человека. Затем – по внутренним устремлениям души самого человека.

В России богословие и философию мы впервые находим именно в правовых сборниках. Например, это «Слово святых отец 100 и 60 и 5 на обидящих церкви святые»; «4 Поучения Василия Великого», «Слово Св. Иоанна Златоустого о смиряющихся»; «От книг Еноха праведника прежде потопа»; «Правила VI Собора»; «Устав Феодора Студийского», «Глава 6. И. Дамаскина» и т. д.

В 1682 г. было открыто в Москве так называемое Нарышкинское училище, в котором некто Иоанн Рейхмут преподавал «из философии деятельная этику и политику». В 1715 г. это училище было закрыто [24, с. 696]. Петр I проектировал учредить в России «Академию политики» для изучения политических наук. Однако их последовательное изучение было осуществлено

только в Московском университете. Да еще и с очень большим упором на русско-римское право. При этом на профессоров юридического факультета была возложена обязанность «читать» и политику. По общему уставу русских университетов, подписанному Александром I (как и в Дерптском уставе 1804 г.), на факультете (отделении) «нравственных и политических наук» преподавалось «право политическое». Здесь, повторяю, основную роль играл Московский университет. Напомню, обосновывая необходимость создания новой структуры, М. Н. Муравьев, крупный государственный чиновник, сенатор и попечитель Московского университета, в своих записках ссылался на позитивный опыт французской академии наук. Именно там с конца XVIII в. состояло отделение нравственных и политических наук, упраздненных в 1803 г. Наполеоном.

В этой связи показательны имена таких профессоров, как Ф. А. Дильтей (первый профессор Московского университета по юридическому факультету, объявленный его деканом) и его ученик профессор Артемьев (романисты). Также уже отмеченные Десницкий и Третьяков. Римское и русское право читают немцы Пургольд, Шнейдер, Баузе и Штильцер. Из русских – романист Цветаев, Горюшкин, Сандунов.

Вот что пишет Теодор (Федор Григорьевич) Баузе (1752–1812; декан нравственно-политического факультета в 1805–1806 гг., профессор римского права, статский советник, ректор Московского императорского университета в 1807–1809 гг., занимавший кафедру права до 1811 г.) в своем «Слове о юриспруденции, методах ее изучения и преподавания» в 1782 г. к Екатерине II, а также обращаясь к «Иоанну Иоанновичу» (как он пишет) Шувалову – «высокочитимому и блистательному основателю и куратору Московского университета», Иоанну Иоанновичу Мелиссино, Михаилу Матвеевичу Хераскову – тоже кураторам, Михаилу Васильевичу Приклонскому – «высокочитимому и блистательному директору»: «Юриспруденция – не крючкотворство, не состязание в хитрости и ловкости по извращению закона в ту или иную сторону, – чем хвастаются не только судейские, но и воры и разбойники и премного этим гордятся. (Это он имеет в виду не дешевую, набранную «из компендиев», словарей и справочников – именно не почерпнутую, а украденную, не собранную, а обглоданную науку о судебных стряпчих. – Прим. авт.). Пусть они и гордятся этой своей грубой, непереваренной грудой определений, разграничений, принципов и формул и вызывают восхищение грубой черни этим своим грубым искусством» [2, с. 19]. Баузе подразумевает под юриспруденцией то, что «древние римляне называли «знанием о делах божественных и человеческих, наукой о справедливом и несправедливом, о правом и неправом, чести и бесчестии». Знанием этим, по мнению Баузе, обладали мудрецы и жрецы, и без философии оно невозможно. При этом дается именно историософское обоснование предмета.

Первые русские юристы – и обрусевшие немцы, и сами русские – не стремятся к тому, чтобы перенести на русскую почву целиком западное (например, немецкое) правосознание, – в этом отношении позиция Баузе особенно показательна. Они хотят создать самостоятельную, стоящую на отече-

ственной прецедентно-нормативной и институциональной почве, на основании русской культуры философию права. Скажем точнее – «историософию права». Еще точнее – именно «иерополитику». Вот эта-то философия политики и права, по их мнению, и помогла бы им объяснить сходства и различия русской жизни сравнительно с западноевропейской. Особенно в этом отношении показателен профессор С. Е. Десницкий.

Были и исторические, институциональные причины, помимо общекультурных, именно историософских. В конце концов, во всех памятниках «золотого века» русской письменности – произведениях Нестора, Кирилла, Климента, Иллариона и т. д. – с момента крещения Руси прекрасно-художественно преподносится единство философии, права, богословия и политики.

А вот что касается более приземленных причин. Лекции в Академическом университете на общеобразовательные темы в Петербурге заканчиваются неудачей и в 1753 г. отменяются. Правительство делает повторный опыт именно в Москве, ввиду, как говорили тогда, существовавшей там потребности в образовании, о которой свидетельствовало «великое число домашних учителей, содержимых помещиками в Москве».

В 1755 г. и был учрежден университет и при нем две гимназии. Одна – для дворян, другая – для разночинцев. Но, несмотря на все поощрения, до университета доходили лишь весьма немногие из гимназистов. И вот в первые годы пришлось наполнить университет учениками духовных семинарий. Вообще близость и родство русских университетов, например, из основных: Московского, Петербургского, Киевского и Казанского с духовными академиями Москвы, Петербурга, Киева и Казани поразительна. У них не только общие студенты, профессора, издательское дело, библиотеки, а подчас и учебные помещения.

Впрочем, то же можно сказать и о Харьковском, Новороссийском (Одесса), Св. Владимира (Киев), Томском и других университетах.

В 1844 г. были устранены последние остатки философских и общественных наук, уцелевшие после реформ 1828 г. Фактически философия перестала быть самостоятельной дисциплиной и ушла в виде дополнительной дисциплины (как сейчас говорят, – «по выбору») в историко-филологические науки и юриспруденцию. Но на деле это, опять-таки, укрепило уже имевшееся представление об органическом единстве, даже синтезировало это единство (если взять пример Е. Н. Трубецкого, В. С. Соловьева, В. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина и других юристов-философов) богословия, словесности, историософии, политики и права. Правда, уже с намерением официальных властей нарушить это единство и теперь уже под влиянием протестных политических событий как в самой России, так и в Европе.

Если перефразировать К. Д. Ушинского, то не только «после февральской революции (имеется в виду отмена крепостного права 19 февраля 1861 г. – *Прим. авт.*)», но и до того (впрочем, сейчас то же самое), «наши славные педагоги не шутя поговаривали о том, как бы оставить одни технические заведения в России, готовить инженеров, моряков, офицеров и даже астрономов, потому что и астрономия может придать нам ученый блеск за

границей и вовсе не готовить политиков, философствующих юристов, публицистов и тому подобных ненужных и беспокойных людей» [цит. по: 12, с. 262]. Даже не с князя П. А. Ширинского-Шахматова, а с Петра I идет антигуманитарная тенденция запрета на отечественную словесность. Не только философия в России перестает быть специализированной, профильной дисциплиной, но и классицизм в целом, который до 1848 г. считался гарантией против «дерзновенных мечтаний», попал под подозрение. Молодые люди, говорилось теперь, не уважают законов, потому что не знают действующего законодательства и увлекаются какими-то греко-римскими «республиканскими» или «древнерусскими» учреждениями. Ширинский-Шахматов не только упразднил философию, но и повсеместно заменил греческий язык на естественные науки, которые, как выражался министр, только и «составляют потребность современного образования». Отмена философии и университетской свободы, вообще устав 1835 г., объявление обязательными для всех факультетов богословия, церковной истории и церковного права (как и обратный процесс в СССР) привел к образованию вокруг профессоров филологического и юридического факультетов «широчайших групп поддержки», эдаких фан-клубов философии по типу Афин в Древней Греции и Константинополя в Византии. На судебно-юридические мероприятия с выступлениями адвокатов публика валила валом и с большим рвением, чем в театры к Станиславскому! Сформировалась многочисленная социальная группа – аудитория, проникнутая идеально-утопическими стремлениями поклонения тому, что было под запретом и чего не было в наличии. Со всеми вытекающими юридическими и философскими последствиями. Вплоть до самых революционно-экстремистских.

Глубокое осмысление и политического государственного опыта России, и ее традиционной потребности в целостном мировоззрении, в метафизике (если говорить словами неформального лидера философствующих юристов В. С. Соловьева) «всеединства» богословия, словесности, права, политики и философии, а также мирового политического опыта, сложнейших проблем политики, государства и права (отношения государства и личности в гражданском обществе, проблема правового государства и права человека в их связи с исполняемыми или неисполняемыми им обязанностями, политика и правосознание и т. п.) было предпринято и во многом очень успешно осуществлено в русской философии естественного права («государственная» школа) в Москве и Петербурге. Это Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, Л. И. Петражицкий, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин, Б. А. Кистяковский, С. И. Гессен, кн. Е. Н. Трубецкой, Е. В. Спекторский и др. В их работах – традиционное, свойственное истории русской мысли внимание к человеку, его внутреннему миру, решениям, убеждениям, чаяниям, верованиям, чувствам. А главное – предсказуемому поведению, осознанному действию, умению жить по договору, который должен выполняться несмотря ни на что. Это именно философское рассмотрение политики и права особое внимание уделяло изучению традиционно-консервативных ценностей социально-политической и культурной жизни России, неотъемлемым, неотчуждаемым

правам человека и роли закона в его жизни. Собственно, одним из главнейших прав и является право личности на культурно-религиозную идентичность и суверенитет в рамках права. И соответствующее философское обоснование в духе И. Канта: «Это мыслю я и мыслю в тождестве», собственно говоря, это и есть свобода личности, поскольку по-древнерусски «свобода» – это «свободность», т. е. «личность» со свойственными ей особенностями. На этом и держится «свод» мироздания – на творчестве свободного человека как созидателя, а не как вещи, обусловленной внешними силами. Как говорил М. В. Ломоносов: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владельцев дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет» [18, с. 692]. И эта дерзость в письме к любимцу Елизаветы Петровны графу И. И. Шувалову!

Сразу отметим – это характерная черта русской мысли, которую часто по недоразумению клеветники России принимают за илlegalизм: поиск постоянства в изменчивости, истинной устойчивости в вечности. А не в преходящей ветхой сытости мира сего – т. е. быстро устаревающей и потому всегда «старой современности», в отличие от «вечно юной вечности». Изучается роковой вопрос как конечная сущность – что есть постоянного и неизменного в законе как определенном правовом, социально-политическом стандарте-знании? Что позволяет, несмотря на все перемены «временных лет», оставаться ему устойчивым знанием, вечной «Повестью»; этим, а не каким-то другим законом? Каковы скрепы, абсолютные основания человеческой жизни, которые «держат» людей вместе в истории? И как долго держат? Без каких «сдержек и противовесов» любые государства, цивилизации и культуры впадают в беспамятство и самонадеянность, разрушаются, не решая и накапливая нерешенность вечных вопросов? Это вопросы далеко не праздные и уж тем более не отвлеченно зерцательные. А именно – деятельностно-императивные, т. е. философские (теоретико-онтологические), и юридические (прагмо-методологические). Как показал социально-исторический опыт XX и XXI вв., они не просто актуальны, а именно злободневны по своему жизнеустроению. И русские мыслители пытались их разрешить. При этом не последнее слово было сказано в рамках традиции Московского университета. Не вина ученых, а беда политической элиты как показатель ее, политической элиты, дисквалификации – невостребованность, неспособность воспользоваться плодотворными рекомендациями экспертов. Это факты из истории философско-юридической традиции в России. Что касается юридической традиции как управленческой практики, которую постоянно и, повторяю, очень плодотворно осмысливали русские мыслители, то здесь уместно напомнить слова М. Вебера, высказанные им в 1906 г. в двух обширных статьях (около 200 страниц), посвященных политической жизни России. Говоря о земствах, он пишет: «Их деятельность в крайне трудных условиях должна бы положить конец постоянно возобновляемым разговорам о “неспособности” русских к управлению в условиях свободы» [4; 5, с. 152, 131; 7; 6; 8; 9; 10]. Полагаю, что можно прислушаться к мнению классика социологии, экономики, права, истории, философии и религиоведения.

1. *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Поэмы / Е. А. Баратынский. – М. : Наука, 1983.
2. *Баузе Т.* Слово о юриспруденции, методах ее изучения и преподавания // Избр. тр. профессоров нравственно-политического отд-ния Моск. ун-та. – М., 2010.
3. *Бедный Д.* Сонет // Русский сонет. – М. : Моск. рабочий, 1986.
4. *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии / М. Вебер. – Киев, 1906.
5. *Вебер М.* К положению буржуазной демократии в России // Социология. – М., 2005. – № 3–4.
6. *Вебер М.* К состоянию буржуазной демократии в России // Политическая наука. Россия: Опыт революций и современности. – 1998. – Вып. 2.
7. *Вебер М.* К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журн. – 1998. – Т. 1, № 1–2.
8. *Вебер М.* К состоянию буржуазной демократии в России // Синтаксис. Париж. – 1988. – № 22.
9. *Вебер М.* О буржуазной демократии в России // Социол. исслед. – М., 1992. – № 3.
10. *Давыдов Ю. Н.* О буржуазной демократии в России // Социол. исслед. – М., 1992. – № 3.
11. Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения Московского Университета. – М. : Альфа-М, 2010.
12. *Каптерев П. Ф.* Общий ход развития русской педагогики и ее главные периоды // Каптерев П. Ф. Избр. педагогические произведения. – М. : Педагогика, 1982.
13. *Климент Смолятич.* Послание // Древнерусская духовная литература. В 3 т. – М. : Фавор, 2004. – Т. 1.
14. *Коваленко В. И.* Политическая наука и политическое образование в России и в Московском Университете // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2009. – № 1.
15. *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого, или до 1054 г., сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королбевской Шведской академии наук // Ломоносов М. В. Записки по русской истории. – М., 2003.
16. *Ломоносов М. В.* Письмо о пользе стекла // Русская литература XVIII века. – Л., 1937.
17. *Ломоносов М. В.* Утреннее размышление о Божием величии // Русская литература XVIII века. – Л., 1937.
18. *Ломоносов М. В.* И. И. Шувалову // Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. – М., 1950.
19. *Моцелков Е. Н.* Методология политических исследований (Отечественный опыт второй половины XIX – начала XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2008. – № 6; 2009. – № 1.
20. *Павлов А. Т.* Философия в Московском Университете / А. Т. Павлов. – СПб. : Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2010.
21. *Победоносцев К. П.* Сочинения / К. П. Победоносцев. – СПб. : Наука, 1996.
22. Повесть Временных лет. – СПб. : Наука, 2007.
23. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. / А. С. Пушкин. – Л. : Наука, 1977–1979.
24. Россия : энцикл. слов. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – М. : Эксмо, 2006.

Politics, Law, Religion and Moscow University

V. I. Shamshurin

Moscow State University of M. V. Lomonosov, Moscow

The article deals with traditional tendency in historiography of the Russian political theory that may be determined as theology of law or legal theology. The author examines as well the contribution of the representatives of the Moscow State University to these research guidelines.

Key words: historiography, political theory, theology of law, legal theology, theology, Moscow State University.

Шамиурин Виктор Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой социально-политических наук МФТИ; член Имперского Православного Палестинского Общества, 125493, г. Москва, Кронштадтский бул., 17–124, тел. 8(495)9392442 (МГУ), e-mail: shamshuriny2@mail.ru

Shamshurin Viktor Ivanovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Department of Philosophy of Politics and Law, the Faculty of Philosophy, the Moscow State University of M. V. Lomonosov, Head of the Department of Social-Political Studies, MIPT; member of the Imperial Orthodox Palestine Society, 125493, Moscow, Kronshtadsky boul., 17–124, phone 8(495)9392442 (MSU), e-mail: shamshuriny2@mail.ru